

**МАКСИМ
ВЛАДИМИРОВИЧ
КРАТЕНКО**

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета

ИНСТИТУТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ДЕФЕКТНОЙ ПРОДУКЦИЕЙ, В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ: БОЛЬШОЙ ПОТЕНЦИАЛ ИЛИ КЛУБОК ПРОТИВОРЕЧИЙ?

Проводится сравнительный анализ законодательства России и зарубежных стран, прежде всего членов Евросоюза, об ответственности за вред от дефектной продукции. Сделан вывод о том, что по ряду ключевых позиций (понятие «продукция», фигура ответчика, основания освобождения от возмещения вреда) российская модель ответственности изготовителя (продавца, исполнителя) гораздо более пропотребительская, чем зарубежные аналоги. С этим связаны некоторые проблемы правоприменения.

Широкий подход к определению понятия дефектной продукции как любых товаров, работ и услуг (включая недвижимость, профессиональные услуги) приводит к коллизиям с другими основаниями ответственности за причинение вреда, а также к избыточному применению данного института. Равная ответственность изготовителя и продавца (п. 1 ст. 1096 ГК РФ), вне зависимости от влияния продавца на производство, представляется несправедливой, она не характерна для других государств. Судебная практика не поддерживает высказанное в российской доктрине предложение о солидарной ответственности изготовителя и продавца. Ограниченный круг обстоятельств в ст. 1098 ГК РФ, освобождающих изготовителя или продавца от ответственности, сформулированный без учета современных технологий производства и продвижения товара, автономности некоторых товаров или их универсального назначения (пригодности для личного и профессионального использования), также может приводить к несправедливому распределению рисков между изготовителем и потребителем. Перечисленные негативные моменты указывают на необходимость реформирования исследуемого института, в том числе уточнения сферы его применения.

Ключевые слова: потребитель, недоброкачественная продукция, строгая ответственность, дефекты дизайна и производства

Введение

Ответственность за вред вследствие недостатков товаров (работ, услуг) впервые была урегулирована в России в рамках Закона РФ от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей»¹ (далее — Закон о защите прав потребителей). В дальнейшем сходные по содержанию нормы были включены в § 3 главы 59 ГК РФ и предусматривают обязанность продавца (изготовителя, исполнителя) возместить вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потерпевшего вследствие конструктивных, рецептурных или иных недостатков товара (работы, услуги) либо ненадлежащей информации о товаре, независимо от вины ответчика и того, состоял ли потерпевший с ним в договорных отношениях (ст. 1095). Вред возмещается при условии, что он возник в течение установленного срока годности или срока службы товара, а если такой срок не установлен — в течение 10 лет со дня производства товара (ст. 1097). В перечисленных статьях ГК РФ сформулированы ключевые идеи данного института: безвиновный характер ответственности изготовителя (продавца, исполнителя); возможность предъявления иска любым потребителем (пользователем) товара, даже в отсутствие договорных отношений с ответчиком. Само расположение норм в главы 59 ГК РФ указывает на то, что по замыслу российского законодателя этот институт близок к деликтной ответственности².

Российские суды достаточно активно применяют нормы указанного института, преимущественно при рассмотрении споров в сегменте *b2c*³. Вместе с тем нельзя

сказать, что практика носит последовательный и устойчивый характер. Судебные решения по данной категории дел часто пересматриваются вышестоящими судами, цитируются в обзорах Верховного Суда РФ⁴. Более того, доминирующую роль в мотивировках судебных решений играют нормы Закона о защите прав потребителей, что оттягивает фокус внимания на фигуру потребителя, установление предпосылок для удовлетворения требований о компенсации морального вреда и взыскании штрафа⁵. При этом упускаются из виду другие важные элементы исследуемого института: понятие товара (продукции) в цифровую эпоху, критерии дефектности товара (в частности, дефекта дизайна⁶), стандарт доказывания причинной связи, обязанность изготовителя раскрыть релевантную информацию о продукции по требованию потерпевшего (*Disclosure of evidence*) и пр.

Исследуемый российский институт заметно отличается от европейской модели ответственности производителя (*Product liability law*), основанной прежде всего на положениях одноименной Директивы ЕС 85/374/ЕЕС от 25 июля 1985 года о гармонизации законодательства и административных актов государств — членов Евросоюза по вопросам ответственности за дефектную

См.: постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 19.04.2013 № А75-7258/2010.

⁴ См., в частности: п. 5 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1 за 2017 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017); п. 11 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам о защите прав потребителей, связанным с реализацией товаров и услуг (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17.10.2018).

⁵ Подробный анализ судебной практики по данному вопросу см.: Кирпичев А.Е. Деликтные отношения с участием потребителей // Закон. 2021. № 9. С. 48–59.

⁶ В российской доктрине фактически не обсуждается понятие дефекта дизайна (*design defect*), равно как и критерии его выявления (*consumer's reasonable expectation test, malfunction test, risk-utility test*). Подробнее о данных критериях см.: Geistfeld M.A. Strict Product Liability 2.0: The Triumph of Judicial Reasoning Over Mainstream Tort Theory // Journal of Tort Law. 2021. Vol. 14. Iss. 2. P. 403–467; Twerski A., Henderson J.A.Jr. Manufacturer's Liability for Defective Product Design: The Triumph of Risk-Utility // Brooklyn Law Review. 2009. Vol. 74. Iss 3. P. 1061–1108. Как следствие, российская судебная практика по искам к производителям дефектной продукции в основном представлена случаями производственных недостатков (*manufacturing defects*). См., напр.: постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции (КСОЮ) от 13.05.2021 № 88-8055/2021 по делу № 2-108/2020 (удовлетворен иск гражданина к фармацевтической компании о компенсации морального вреда в связи с наличием в лекарственном препарате посторонних примесей и запахов).

¹ Речь идет прежде всего о ст. 14 Закона РФ «О защите прав потребителей».

² В правовой доктрине стран Европы (Германия, Франция, Нидерланды и пр.) нормы об ответственности производителя (*Product liability law*) рассматриваются, скорее, в качестве дополнительного основания для предъявления иска о возмещении убытков, наряду с общими положениями о договорной и деликтной ответственности. См.: The International Comparative Legal Guide to: Product Liability 2019, 17th ed. London, 2019. P. 91–99. URL: https://www.acc.com/sites/default/files/resources/upload/PL19_E-edition.pdf (дата обращения: 17.11.2022).

³ В качестве потерпевшего в контексте § 3 главы 59 ГК РФ рассматривается как гражданин, так и юридическое лицо при условии, что товар приобретался в потребительских целях. Однако судебные решения о возмещении вреда юридическому лицу на основании ст. 1095 ГК РФ — большая редкость. Как правило, речь идет о некоммерческих организациях или публично-правовых образованиях.